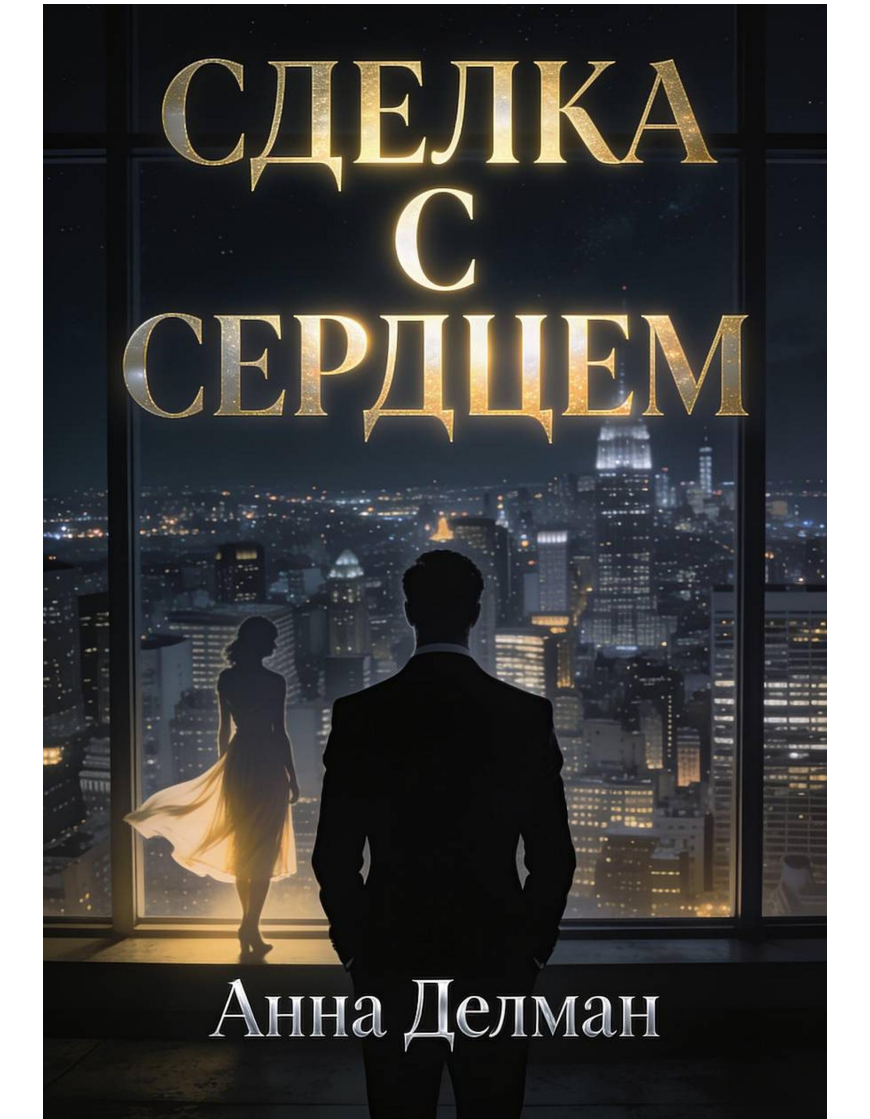

СДЕЛКА С СЕРДЦЕМ

The background of the entire image is a high-angle, wide shot of a city skyline at night, seen through a large window. The city lights are a mix of warm yellows and cool blues. In the foreground, the silhouettes of a man and a woman are visible. The man, in the center, is wearing a dark suit and has his hands in his pockets, looking out at the city. To his left, a woman in a light-colored, flowing dress stands with her back to the camera, also looking out. The overall mood is contemplative and cinematic.

Анна Делман

Анна Делман

Сделка с сердцем

<https://litres.ru/74482518>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вероника Орлова, талантливый архитектор без гроша за душой, готова на всё, чтобы спасти отца от долговой тюрьмы. Владислав Громов, циничный владелец банка, предлагает ей сделку: год фиктивного брака в обмен на свободу для её семьи. Ника соглашается, не подозревая, что холодный расчёт обернётся страстью, болью и потерей. Кристина, бывшая любовница Влада, плетёт интриги, а дед требует наследника. Когда Ника уезжает в Париж, Влад думает, что она его предала. Но правда, скрытая в письмах и подлогах, способна всё изменить. Это история о том, как сделка с сердцем может стать самой выгодной в жизни — если рискнуть поверить в любовь.

Содержание

Глава 1. Последний шанс	4
Глава 2. Цена вопроса	16
Глава 3. Свадьба без любви	27
Глава 4. Первое утро врагов	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна Делман

Сделка с сердцем

Глава 1. Последний шанс

Город встречал Веронику привычным серым утром — низкое небо давило на крыши, мелкий дождь смешивался с выхлопными газами, превращая асфальт в скользкое зеркало. Она стояла у окна своей съёмной квартиры на восьмом этаже панельной высотки, сжимая в руках телефон, который только что разорвался от гудков. Отец не брал трубку. Это было плохим знаком — Борис Орлов никогда не пропускал звонки дочери, даже когда у него болело сердце или когда он сутками не спал за переплётным станком.

Ника сделала глубокий вдох и ещё раз набрала номер. В динамике раздался механический голос автоответчика, который она сама же и записала год назад: *«Борис Орлов сейчас не может ответить. Оставьте сообщение».*

— Пап, это я, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я приеду через час. Не выключай телефон, пожалуйста.

Она положила трубку на стол и закрыла глаза. Вчера вечером к ней домой пришёл судебный пристав с повесткой. Оказывается, долг отца перед банком «Глобал» вырос до суммы,

которую они с ним вместе не смогли бы выплатить за десять лет. Кредит был взят пять лет назад на модернизацию типографии, но рынок печатных услуг рухнул, и старые офсетные машины так и остались стоять в цеху, покрываясь ржавчиной. Проценты набегали снежным комом, а отец, в своей бесконечной вере в чудо, просто закинул все письма банка в ящик стола и делал вид, что проблемы не существует.

Теперь банк подал иск. Типография, дом, остатки обслуживания — всё шло с молотка. И Ника знала, что если не произойдёт ничего экстраординарного, через две недели её отец окажется на улице в прямом смысле слова. Он был слишком стар и болен, чтобы начинать сначала.

Ника торопливо натянула чёрный тренч, который уже три сезона спасал её от непогоды, и сунула в сумку папку с документами. В этой папке лежала вся её жизнь — диплом архитектора, несколько чертежей её авторского проекта жилого комплекса «Небесные сады», который никто не хотел финансировать, и копия того самого кредитного договора отца. Она знала, что идти с этой бумагой в главный офис «Глобала» — безумие. Но выбора не было.

Метро сегодня было переполнено, и Ника ехала стоя, вжавшись лицом в грязное стекло вагона. Она думала о том, как месяц назад ей позвонили из французского архитектурного бюро и предложили стажировку. Тогда она отказалась, потому что не могла оставить отца одного с его долгами. Теперь она понимала, что отказ был ошибкой — в Париже она

хотя бы могла заработать настоящие деньги. А здесь она была никем: ни опыта, ни связей, ни даже собственного офиса.

«Глобал» располагался в центре, в сорокаэтажной башне из стекла и бетона, которая своей сверкающей надменностью давила на окружающие сталинские дома. Ника вошла в вестибюль, где пахло дорогим парфюмом и свежей полировкой мрамора. Охранник в сером костюме с бляхой на поясе посмотрел на неё с лёгким презрением — его взгляд скользнул по её потёртым ботинкам и пакету с продуктами, который она по привычке захватила из дома, думая о том, что надо заехать к отцу.

— Вы к кому? — спросил он, перегораживая путь к турникетам.

— К господину Громову, — сказала Ника, стараясь звучать уверенно. — У меня назначено.

— Запись есть? — Охранник взял планшет и пролистал список.

Ника понимала, что записи нет, но решила сыграть в открытую.

— Меня зовут Вероника Орлова. Я по делу о кредите моего отца, Бориса Орлова. Мне сказали, что только господин Громов может принять окончательное решение.

Она специально не уточнила, кто ей сказал. На самом деле ей не говорил никто — она сама решила, что если идти, то идти к главному. В отчаянии такая дерзость казалась оправданной.

Охранник скептически хмыкнул, но почему-то пропустил её, вероятно, приняв за дочь какого-нибудь местного чиновника. Он махнул рукой в сторону лифтов и буркнул: «Приёмная на сороковом».

Лифт взлетел так стремительно, что у Ники заложило уши. Когда двери открылись, она оказалась в пространстве, которое больше походило на музей современного искусства, чем на офис. Белые стены, чёрные кожаные кресла, огромный аквариум с разноцветными рыбами, и девушка-секретарь с идеальной укладкой, сидящая за столом из цельного куска стекла.

— Вы записаны? — спросила секретарь, даже не подняв головы от монитора.

— Нет, — призналась Ника. — Но это срочно. Дело касается кредита Бориса Орлова. Банк собирается продавать его имущество, и я должна поговорить с господином Громовым. Хотя бы пять минут.

Секретарь подняла глаза. Она окинула Нику быстрым профессиональным взглядом — и в этом взгляде было всё: оценка брендов, причёски, маникюра. Вердикт: «не наш человек».

— Господин Громов никого не принимает без записи, — отрезала она. — Можете оставить документы, я передам.

Ника сжала папку так, что побелели пальцы.

— Послушайте, — сказала она, стараясь удержать голос от дрожи, — у моего отца сердечная недостаточность, ему ско-

ро семьдесят, у него нет других родственников, кроме меня. Если банк отнимет всё, он этого не переживёт. Мне нужно просто поговорить. Я знаю, что господин Громов может пойти на отсрочку или реструктуризацию. Пожалуйста.

Секретарь вздохнула, и в этом вздохе читалось раздражение. Она набрала что-то на внутренней линии, шепнула пару слов и затем, чуть смягчившись, сказала:

— Господин Громов согласен уделить вам пять минут. Заходите. Но предупреждаю — он не в духе.

Ника мысленно поблагодарила судьбу и шагнула в высокую дверь из чёрного дерева, которая бесшумно отворилась.

Кабинет был огромен — во всю стену окна с панорамным видом на город, серое небо смешивалось с дождём, и от этого казалось, что комната плывёт где-то между облаками. Пол был из тёмного дуба, на стенах — чёрно-белые фотографии строящихся небоскрёбов. В центре стоял массивный стол, за которым восседал человек, о котором в деловых кругах ходили легенды.

Владислав Громов. Тридцать три года, владелец «Глобал Банка», наследник строительной империи. Внешность у него была под стать репутации: острые скулы, тёмные волосы, зачёсанные назад, и глаза цвета стали, в которых не читалось ни капли тепла. Он даже не поднялся при её появлении — только отодвинул ноутбук и сложил руки на столе.

— Вы Вероника Орлова? — спросил он. Голос оказался низким, с металлическими нотками.

— Да, — Ника шагнула к столу и положила папку перед ним. — Я дочь вашего должника, Бориса Орлова. Я знаю, что у нас нет никаких оснований что-то просить, но я пришла... просить.

Громов даже не взглянул на папку. Его взгляд был прикован к её лицу — и этот взгляд был пронизывающим, как ледяной ветер. Ника почувствовала, как внутри всё сжимается, но заставила себя продолжить.

— Мой отец взял кредит на модернизацию типографии, но рынок изменился, заказы упали, а проценты... вы же знаете, как это работает. Он хороший человек, хороший специалист, он пытался платить, но не смог. Сейчас банк требует продать всё имущество, включая его квартиру. Я понимаю, что это бизнес, но я прошу вас о реструктуризации долга или об отсрочке на год. За год я могу найти работу, продать проект, который у меня есть...

— Проект? — перебил Громов, и в его голосе послышалась ироничная усмешка. — Это вы про свои «Небесные сады»? Я видел заявку на кредитование от вашего имени в прошлом месяце. Вы хотели получить семь миллионов рублей на строительство экодому с вертикальным озеленением. Забавно, что вы думаете, будто кто-то в здравом уме даст деньги человеку с просрочкой по семейному кредиту.

Ника побледнела. Она не знала, что он видел её заявку. Похоже, он следил за всеми, кто имел отношение к его банку.

— Это не имеет отношения к отцу, — сказала она, стара-

ясь, чтобы голос звучал твёрже. — Я пришла не просить за себя. Я прошу за него. Ему некуда идти. У меня есть кое-какие сбережения, я могу внести часть долга, если вы дадите время...

Громов поднялся из кресла и медленно обошёл стол. Он остановился в полуметре от Ники, рассматривая её с высоты своего роста. Она ощутила запах его парфюма — горький, древесный, дорогой. И в этом запахе было что-то пугающе хищное.

— Вероника, — произнёс он, и она вздрогнула от того, как её имя прозвучало с его губ, — я внимательно изучил историю вашего отца. Он не платил больше полутора лет. Он игнорировал все уведомления. Он не отвечал на звонки. Сейчас долг составляет около четырёх с половиной миллионов рублей вместе с пенями. Если мы продадим типографию и квартиру на аукционе, мы покроем примерно половину. Остальное повесим на него. Ему придётся объявить себя банкротом, и тогда он лишится права вести бизнес в будущем, но, по крайней мере, он останется на свободе. Или вы думали, что я стану жалеть старика?

Ника почувствовала, как к глазам подступают слёзы, но она сдержала их. Она не могла позволить себе плакать здесь, перед этой бесчувственной машиной в дорогом костюме.

— Я знаю, что он виноват, — сказала она. — Но он мой отец. Я готова платить. Я могу работать на ваш банк, я могу делать что угодно, только дайте мне возможность погасить

этот долг частями. Я архитектор, я могу проектировать для вас дома...

Громов усмехнулся. Он отошёл к окну и стал смотреть на дождь, который поливал стекло, превращая город в размытый акварельный пейзаж.

— Знаете, — сказал он не оборачиваясь, — в моей компании работают лучшие архитекторы страны. Мне не нужны проекты от человека, который не может защитить свой собственный диплом от нападок экспертной комиссии. Но мне нужно кое-что другое.

Ника замерла. В его голосе послышалось что-то новое — не насмешка, а расчёт.

— Чего именно? — спросила она, стараясь не выдать охватившей её тревоги.

Он повернулся к ней. Его глаза были холодны, как сталь, но в уголках губ залегла странная, почти жестокая улыбка.

— Я готов заключить с вами сделку, Вероника. Вы станете моей женой. Фиктивной, разумеется. Сроком на один год.

Она перестала дышать. На секунду ей показалось, что она ослышалась или что у неё начался бред от недосыпа.

— Что? — выдохнула она.

— Фиктивный брак, — повторил он, подходя к ней почти вплотную. — Мой дед, Константин Громов, основатель строительной империи, оставил завещание, согласно которому я получу контрольный пакет акций холдинга только при одном условии: я должен быть женат на «достойной женщине» без

криминального прошлого и без связей с конкурентами. К сожалению, у моего деда старомодные взгляды. Он считает, что женатый мужчина надёжнее. До этого срока — три месяца. Мне нужна жена для галочки, а идеальная кандидатура, которую я могу контролировать — это Вы. У вас нет денег, нет влияния, вы полностью зависите от меня. Вы согласитесь на мои условия, и я спишу долг вашего отца полностью. Типография останется за ним, квартира тоже. И вдобавок я профинансирую ваш «Небесный сад».

Ника отшатнулась, как от удара. Она смотрела на него с недоверием и ужасом.

— Вы с ума сошли, — прошептала она. — Это шантаж. Вы не можете так...

— Могу, — спокойно сказал Громов. — Это не шантаж, это предложение. Вы приходите ко мне с просьбой спасти вашего отца. Я спасу его. Но я не благотворительный фонд. Всё имеет цену. Моя цена — год вашей жизни. Вы будете жить в моём доме, появляться со мной на мероприятиях, играть роль любящей жены. В спальне вы будете спать отдельно, я не трону вас ни пальцем, если вы сами того не захотите. Контракт будет составлен юридически грамотно. Через год вы получите развод, квартира и типография останутся у отца, долг будет аннулирован, а ваш проект получит инвестиции. Вы ничего не теряете, кроме одного года.

— Кроме собственного достоинства, — вырвалось у Ники. — Вы предлагаете мне продать себя, как вещь.

— Нет, — он качнул головой, — я предлагаю вам сделку, от которой вы выиграете больше, чем я. Мне нужна просто жена, а вам — жизнь отца. Подумайте.

Он вернулся за стол и сел, взял ручку и начал что-то писать на листе бумаги, словно её уже не было в кабинете.

Ника стояла, не в силах пошевелиться. В голове билась только одна мысль: *«Он серьёзно. И у меня нет выбора»*. Она вспомнила отца — его седую голову, наклонённую над старым печатным станком, его трясущиеся руки, когда он подносил кружку с чаем. Он никогда не жаловался, всегда говорил, что всё будет хорошо. А теперь он даже не брал трубку, потому что боялся сообщить дочери правду.

— Если я соглашусь, — начала она, и голос её дрогнул, — вы гарантируете, что долг будет полностью погашен? И вы не предъявите никаких других претензий ни к отцу, ни ко мне?

Громов поднял глаза. Теперь в них не было ни насмешки, ни холода — только ледяная сосредоточенность.

— Гарантирую. Контракт будет составлен моими юристами. Вы можете пригласить своего адвоката, если он у вас есть. Но я предупреждаю: если вы попытаетесь нарушить условия досрочно или разгласить информацию о фиктивности брака, штрафные санкции будут таковы, что вы потеряете всё, включая свободу. Я не шучу, Вероника.

Она сглотнула. Ей казалось, что воздух в кабинете стал вязким, как кисель.

— У меня есть время подумать? — спросила она.

— До завтра, десять утра, — ответил Громов. — Если вы не перезвоните, я запущу процедуру аукциона. Ваш отец получит уведомление о выселении через три дня. А вы, вероятно, будете корить себя до конца жизни.

Он протянул ей визитку с личным номером, и Ника машинально взяла её, чувствуя, как бумага обжигает пальцы.

Не попрощавшись, она вышла из кабинета. Секретарь даже не подняла головы. В лифте Ника прислонилась к прохладной металлической стене и закрыла глаза. Слезы наконец потекли — горячие, солёные, бессильные. Она плакала от унижения, от страха, от того, что её жизнь, которую она так старательно строила на честности и труде, сейчас рухнула в пропасть, и единственный мост над этой пропастью — это сделка с дьяволом в дорогом костюме.

Когда лифт остановился на первом этаже, Ника вытерла лицо рукавом тренча и вышла под дождь. Она шла по мокрым улицам, сжимая визитку Громова, и пыталась вспомнить, когда в последний раз она чувствовала себя такой уничтоженной. Может быть, никогда.

Она зашла в ближайшую кофейню, села за столик у окна и заказала чёрный кофе, хотя знала, что он снова сделает ей больно — у неё был гастрит, и врачи запретили. Но сейчас было всё равно. Она достала телефон и, взглянув на экран, увидела четыре пропущенных от отца. Сердце забилось чаще. Она нажала на вызов, и через пару гудков раздался его тихий, виноватый голос.

— Ника, дочка, прости, я телефон оставил в цеху, не слышал, как звонил...

Она сглотнула ком в горле и постаралась улыбнуться, хотя он не мог видеть её улыбку.

— Ничего, пап. Всё хорошо. Я скоро приеду. Мы всё решим.

— Ты приезжай, я суп сварил, ты же с утра не ела, — сказал он с той же заботой, что и всегда, словно не было никаких долгов, никаких повесток.

Ника закрыла глаза и поняла, что ответ уже созрел у неё в душе. Она перезвонит Громову. Она согласится. Потому что нет ничего дороже, чем голос отца, который зовёт её на суп.

Она сделала глоток горького кофе, и вкус его смешался с солёными слезами, капающими в чашку.

Глава 2. Цена вопроса

Ночь прошла без сна. Ника лежала на узкой раскладушке в комнате отца, слушая его размеренное дыхание и гул старого холодильника. В голове крутился один и тот же вопрос: как можно продать год своей жизни человеку, который смотрит на неё так, будто она пустое место? Она перебирала варианты: взять кредит в другой банке, продать квартиру, уехать за границу и прислать деньги. Но всё это было иллюзией. Долг отца составлял четыре с половиной миллиона, а её зарплата фриланс-архитектора колебалась в районе тридцати тысяч в месяц. Без чуда ей не выкарабкаться.

Чудо предлагал Владислав Громов. Правда, за это чудо нужно было заплатить собой.

К утру Ника приняла решение. Она умылась ледяной водой, посмотрела на своё бледное лицо в зеркале и сказала вслух, как заклинание: «Это всего лишь год. Он не тронет меня. Я справлюсь». Она не верила собственным словам, но другого выхода не было.

Отец ещё спал, когда она выскользнула из квартиры. Она написала ему записку: «Ушла по делам, вернусь вечером. Люблю». И оставила на столе его любимые ватрушки из пекарни через дорогу.

В десять утра ровно она набрала номер с визитки. Трубку сняли после первого же гудка.

— Вероника, — голос Громова звучал ровно, без тени удивления. — Я ждал вашего звонка.

— Я согласна, — сказала она, чувствуя, как слова царапают горло. — Но я хочу обсудить детали. Лично. Сегодня.

— Отлично. Приезжайте в мой офис в два часа. И захватите паспорт.

Он не сказал «до свидания», просто повесил трубку. Ника посмотрела на телефон, и ей показалось, что она только что подписала себе приговор.

В два часа она снова стояла в приёмной «Глобал Банка». Секретарша на этот раз была любезнее — вероятно, получила инструкции. Она проводила Нику в переговорную, где уже сидели трое мужчин в строгих костюмах. Один из них, лысоватый с очками в тонкой оправе, держал в руках стопку бумаг. Двое других, помоложе, сидели с ноутбуками.

Владислав стоял у окна, спиной к двери. Он не обернулся, когда Ника вошла, но сказал:

— Садитесь. Мы почти готовы.

Ника села напротив стола. На столе лежал контракт — толстый, в чёрной обложке, с золотым тиснением. От одного его вида у неё ёкнуло сердце.

Громов наконец повернулся. Он был в белой рубашке с расстёгнутой верхней пуговицей, без пиджака, и выглядел почти человеческим. Почти. В его руках была чашка чёрного кофе — того самого, который она пролила вчера. Он поставил чашку на стол и сел напротив неё.

— Вероника, это мой юрисконсульт, Михаил Борисович, — кивнул он на лысоватого. — Он подготовил проект договора. Я рекомендую вам прочитать его внимательно. У вас есть час.

— Час? — переспросила она, глядя на стопку бумаг толщиной сантиметра три. — Это же почти сорок страниц.

— Сорок две, — поправил юрист. — Я постарался предусмотреть все нюансы.

Ника взяла контракт дрожащими руками. Она никогда раньше не подписывала ничего серьёзное договора аренды жилья. Строчки текста прыгали перед глазами. Она вчитывалась в юридические термины: «фиктивный брак», «взаимные обязательства», «конфиденциальность», «штрафные санкции», «раздел имущества». Чем дальше она читала, тем холоднее становилось внутри.

Наконец она подняла глаза.

— Пункт 4.6, — произнесла она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — «Супруги обязуются проживать совместно в загородном доме супруга и не покидать его без письменного разрешения». Это что, я должна у вас в заключении жить?

— Это дом, — спокойно ответил Громов. — В нём есть библиотека, спортзал, бассейн и несколько гостевых спален. Вы будете жить в отдельном крыле со своим входом. Это необходимо, чтобы дед не заподозрил фиктивность брака. Соседи, прислуга — все должны видеть, что мы живём как нормальная семья.

— А если мне нужно к отцу? — спросила Ника.

— Пункт 6.2, — подсказал юрист. — Вы имеете право навещать родственников не более трёх раз в неделю, но с обязательным уведомлением супруга за сутки.

Ника чуть не расхохоталась истерически. «Супруг» — какое абсурдное слово в контексте этого человека.

— А пункт 14.1? — продолжила она, пролистывая. — «В случае беременности супруги от другого лица, брак расторгается досрочно с выплатой неустойки в размере...» Простите, вы серьёзно? Вы думаете, я собираюсь завести ребёнка от кого-то ещё в течение года?

— Я должен быть уверен, что никакие случайности не испортят сделку, — отрезал Громов. — Мне нужен чистый развод через год. Никаких внебрачных детей, никаких скандалов, никаких любовников.

— А вы? — выпалила Ника. — Вы тоже обязуетесь не иметь любовниц?

На секунду Громов замешкался. В его стальных глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. Никто, видимо, не задавал ему таких вопросов.

— Я не собираюсь заводить романы на стороне, — сказал он холодно. — Мне это не нужно. Но если вы так настаиваете, я внесу соответствующий пункт.

Юрист зашелестел бумагами.

— Подождите, — Ника подняла руку. — Давайте сначала разберём главное. Вы обещали, что долг моего отца будет

полностью погашен. Это прописано?

— Пункт 9.1, — кивнул юрист. — «Супруг выплачивает все имеющиеся кредитные обязательства отца супруги, Бориса Орлова, в течение десяти банковских дней с момента заключения брака».

— И что взамен? — Ника посмотрела прямо на Громова. — Кроме года жизни, я ещё что-то должна?

— Вы должны выполнять функцию жены на публике, — ответил он. — Присутствовать на семейных ужинах с дедом, корпоративных мероприятиях, светских приёмах. Вы должны быть вежливы, дипломатичны и не позорить мою фамилию. И, разумеется, вы не имеете права разглашать фиктивность брака никому под страхом штрафа в размере десяти миллионов рублей.

Ника присвистнула. Десять миллионов — сумма, которая в разы превышала долг отца. Он действительно держал её на коротком поводке.

— А если я скажу, что не хочу выступать перед вашими партнёрами с тостом? — спросила она с вызовом.

Громов улыбнулся — холодно, только губами.

— Тогда вы нарушите пункт 3.7, и я начну процедуру взыскания. Но я не думаю, что вы настолько глупы.

Она сжала зубы. Ей хотелось схватить эту чашку с кофе и вылить ему на голову. Но она сдержалась. На кону стояла не только жизнь отца, но и её собственный проект — «Небесные сады». В контракте, в пункте 12.4, он действи-

тельно обязался выделить на него два миллиона рублей. Это был её шанс, о котором она мечтала с университета.

— Давайте теперь о спальне, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал безразлично. — Вы сказали, что мы будем спать раздельно. Где это прописано?

— Пункт 7.3, — юрист быстро нашёл нужную страницу. — «Супруги обязуются не вступать в интимные отношения без взаимного согласия. Каждый супруг имеет право на отдельную спальню, доступ в которую другому супругу запрещён».

Ника почувствовала, как кровь прилила к щекам. Ей было неловко обсуждать это при юристах, но она заставила себя говорить.

— Значит, вы не можете войти в мою комнату без приглашения?

— Я и не собираюсь, — жёстко ответил Громов. — У меня нет ни времени, ни желания на игры. Вы мне нужны только как декорация.

Она хотела сказать ему, что он не имеет права так с ней разговаривать, но в контракте не было пункта о вежливости. Она поняла, что он может позволить себе любую грубость, потому что держит все козыри.

Пролистав ещё несколько страниц, она наткнулась на сроки.

— Брак заключается на один год, — прочитала она. — Но есть пункт об автоматическом продлении, если одна из

сторон подаст заявление за месяц до истечения срока. Это значит, что вы можете продлить договор без моего согласия?

— Нет, — вмешался юрист. — Автоматическое продление применяется только при взаимном согласии. Если вы не хотите, вы пишете уведомление за месяц, и брак расторгается в день истечения срока.

Ника выдохнула. Хотя что-то, что оставляло ей выбор.

Она читала ещё полчаса. В её голове шумело, строчки расплывались, но она упорно пыталась вникнуть в каждое слово. В конце концов она закрыла папку и подняла глаза.

— У меня есть одно условие, — сказала она.

Громов приподнял бровь.

— Я хочу, чтобы отдельным пунктом было прописано, что мой отец ни при каких обстоятельствах не будет знать о фиктивности брака. Он должен думать, что я вышла замуж по любви. Я не хочу причинять ему боль.

Громов посмотрел на неё с лёгким удивлением. Впервые за всё время в его взгляде мелькнуло что-то человеческое — может быть, уважение.

— Я согласен, — сказал он. — Внесите это.

Юрист быстро записал.

— Тогда я подпишу, — произнесла Ника, и голос её дрогнул, несмотря на все усилия.

Она взяла чёрную ручку, которую протянул ей адвокат. Ручка была тяжёлой, с золотым пером. Она поднесла её к бумаге и остановилась.

— Подождите, — сказала она. — Я хочу знать, почему вы выбрали именно меня. Вы владелец банка, у вас есть связи, вы могли найти актрису, модель, кого угодно. Почему я?

Громов молчал несколько секунд. Затем откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Вы честная, — сказал он. — Я проверил вас. Вы не взяли ни копейки, когда могли взять взятку на прошлом месте работы. У вас нет любовников, нет судимостей. Вы заботитесь о больном отце. Для моего деда такие качества — редкость. И у вас нет рычагов давления на меня. Вы слишком бедны и горды, чтобы шантажировать. Идеальная кандидатура для временной роли.

— А если я скажу правду деду? — спросила она, испытывая его.

— Тогда вы потеряете всё, — без тени сомнения ответил Громов. — Пункт 17.2: в случае разглашения вы обязаны выплатить неустойку и лишаетесь всех прав на финансирование. Вдобавок я подам на вас в суд за мошенничество. Ваш отец снова окажется на улице, но уже без надежды на помощь. Вы не пойдёте на это, Вероника. Я знаю людей. Вы слишком привязаны к семье, чтобы рискнуть.

Ника почувствовала, как внутри всё закипает. Она ненавидела его за то, что он так точно просчитал её слабости. Она ненавидела себя за то, что вынуждена подчиняться.

Но она взяла ручку и твёрдо поставила подпись на каждой странице, где требовалось. Её имя — Вероника Борисовна

Орлова — выглядело чужеродным на фоне строгих юридических формулировок.

Когда она закончила, Громов взял контракт и бегло просмотрел подписи. Затем он расписался сам — быстрым, размашистым почерком. Юрист поставил печати. Сделка была заключена.

Ника встала, чувствуя, как ноги подкашиваются.

— Когда свадьба? — спросила она безжизненным голосом.

— В пятницу, — ответил Громов. — Через три дня. Моя помощница свяжется с вами по поводу платья и всех формальностей. Вы будете жить в моём доме с субботы. Подготовьте отца — скажите ему, что вы встретили мужчину своей мечты.

Он говорил это с такой насмешкой, что у Ники сжались кулаки. Она повернулась и направилась к двери, но на пороге остановилась.

— Владислав, — сказала она, не оборачиваясь. — Вы когда-нибудь покупали себе что-то, а потом жалели об этом?

— Нет, — ответил он. — Я всегда знаю, чего хочу.

— Тогда скажите мне, чего вы хотите на самом деле? — она резко повернулась и посмотрела ему прямо в глаза. — Зачем вам акции холдинга? У вас уже есть банк, вы богаты. Зачем вам ещё больше власти?

Громов усмехнулся, но в его глазах мелькнула тень.

— Это не ваше дело, Вероника. Вы подписали контракт,

и вы будете выполнять мои условия. Не задавайте лишних вопросов.

Она почувствовала, что нащупала слабое место. Он чего-то боится, хоть и не показывает. Но расспрашивать больше не стала. Она вышла из переговорной, прошла мимо секретаря и нажала кнопку лифта.

В лифте она прислонилась к стене и закрыла глаза. Только что она продала себя за четыре с половиной миллиона рублей. Год её жизни, её свобода, её достоинство. Она мысленно перечислила всё, что ей пришлось отдать — и поняла, что не была готова к этой цене. Но она была готова спасти отца.

Когда она вышла из башни «Глобала», дождь уже закончился, и солнце пробивалось сквозь тучи. Ника посмотрела на небо и впервые за долгое время улыбнулась. Невесело, горько, но улыбнулась. Она дала себе слово: через год она вернёт себе всё. И больше никогда не позволит никому держать её на поводке.

А пока — надо было купить платье. И придумать, как сказать отцу, что она выходит замуж за человека, которого видела всего два раза.

Она зашла в кафе, заказала кофе и посмотрела на свои руки. Они всё ещё дрожали. Она сжала их в кулак и прошептала:

— Год, Ника. Всего лишь год. Ты справишься.

Но в глубине души она знала, что этот год изменит её навсегда. И как именно — пока не представляла.

Она достала телефон и набрала номер отца. Когда он ответил, она сказала весёлым, уверенным голосом:

— Пап, у меня новость. Я выхожу замуж.

В трубке повисла пауза, а затем раздался изумлённый голос Бориса Орлова:

— За кого, дочка? Я даже не знал, что у тебя кто-то есть!

— Он удивительный, — соврала Ника. — Ты скоро его увидишь. В пятницу свадьба. Небольшая. Ты ведь придёшь?

— Конечно, — сказал отец, и в голосе его послышалась радость. — Я так счастлив за тебя, Ника.

Она не выдержала и разрыдалась. Но плакала она так тихо, что отец не услышал. Она быстро попрощалась, сбросила звонок и уткнулась лицом в ладони.

«Прости меня, папа, — мысленно прошептала она. — Однажды я всё тебе расскажу».

За окном зажглись огни вечернего города. И в этом огромном, равнодушном мегаполисе Ника чувствовала себя песчинкой, которую сдувает ветер. Но она знала: даже песчинка может построить дом. Она построит свой «Небесный сад». Она докажет Громову, что он недооценил её.

И, возможно, когда-нибудь она сама станет хозяйкой своей жизни. Но этот день будет не скоро.

А пока — впереди была свадьба. Самая грустная свадьба в её жизни.

Глава 3. Свадьба без любви

Пятница наступила так быстро, будто кто-то перемотал время. Ника почти не помнила, как прошли эти три дня: беготня по магазинам, примерка платья, которое доставили из дорогого бутика, бессонные ночи и бесконечные мысли о том, что она делает. Помощница Громова, строгая женщина по имени Алла Викторовна, организовала всё до мельчайших деталей: выбор платья, причёски, даже букет. Нике казалось, что она не невеста, а просто экспонат на выставке.

Утром в день свадьбы она проснулась в своей старой квартире, которую через неделю должны были переписать обратно на отца. Борис Орлов уже суетился на кухне, готовя завтрак. Он выглядел счастливым и взволнованным, и это терзало Нику сильнее, чем любые угрызения совести.

— Ну что, моя красавица, — сказал он, пододвигая к ней тарелку с омлетом. — Сегодня ты станешь женой. Я так рад, что ты встретила хорошего человека. Он ведь банкир, да? Надёжный?

Ника с трудом проглотила кусок.

— Да, пап, очень надёжный. Влад... он хороший. Ты увидишь.

— Я его ещё ни разу не видел, — с лёгкой обидой произнёс отец. — Ты могла бы познакомить нас пораньше.

— Всё было так быстро, — соврала Ника, отводя глаза. —

Мы решили не затягивать.

Она врала, и каждый раз, когда отец смотрел на неё с такой любовью, ей хотелось провалиться сквозь землю. Но она вспоминала о долге, о больном сердце отца, и находила силы улыбаться.

В десять утра за ней приехал лимузин. Чёрный, длинный, с тонированными стёклами. Ника вошла в него, чувствуя себя чужой в этом шике. Платье было простым, но элегантным — белый шелк, длинные рукава, лёгкая кружевная отделка. Она не хотела пышного наряда, и Алла Викторовна учла это. В руках Ника сжимала небольшой букет из белых пионов — единственное, что она выбрала сама.

Регистрация должна была пройти в небольшом особняке на окраине города, принадлежавшем семье Громовых. Ника даже не знала, что это за место — ей просто сказали, куда ехать. Отец поехал отдельно, на такси, потому что Ника настояла: ей нужно было побыть одной перед церемонией.

Когда она вошла в зал, обстановка поразила её своей холодной красотой. Высокие потолки, белые стены, хрустальная люстра, и всего несколько человек гостей. Среди них она заметила деда Громова — высокого сухого старика с пронзительными серыми глазами, очень похожими на глаза внука. Константин Громов стоял в стороне, опираясь на трость, и рассматривал её цепким взглядом.

Рядом с дедом стояла женщина, которую Ника сразу узнала по описанию — Кристина Воронцова. Блондинка с иде-

альной укладкой и дорогим платьем, она смотрела на Нику с едва скрываемой неприязнью. Её губы растянулись в фальшивую улыбку, которая не касалась глаз.

Владислав ждал её у алтаря. Он был в чёрном строгом костюме, с белой гвоздикой в петлице, и выглядел так, будто пришёл на деловую встречу, а не на свадьбу. Его лицо было непроницаемым, и только в глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение, когда он увидел её.

— Вы вовремя, — сказал он, когда она подошла. — Я боялся, что передумаете.

— Я никогда не нарушаю обещаний, — ответила Ника так же холодно.

Гражданская церемония длилась всего десять минут. Регистратор, пожилая женщина с седыми волосами, прочитала стандартные фразы о любви и верности, но Ника слышала их как сквозь вату. Она отвечала «да» механически, глядя в стальные глаза Громова, и думала о том, что этот человек для неё никто, а она для него — лишь инструмент.

Когда они обменялись кольцами, которые Влад купил заранее, — Ника почувствовала, что внутри неё что-то надломилось. Она больше не была свободной. Теперь она чья-то жена.

Отец стоял позади и плакал. Он вытирал слёзы носовым платком и улыбался, как ребёнок. Ника хотела подойти к нему, обнять, но Влад взял её под руку и тихо сказал:

— Не сейчас. Сначала официальная часть.

Она подчинилась.

После церемонии был короткий фуршет. Ника почти ничего не ела — кусок в горло не лез. Она вежливо улыбалась гостям, которых было немного: дед, Кристина, пара партнёров Влада, и её отец. Напряжение висело в воздухе.

Константин Громов первым подошёл к ней. Он пристально посмотрел в глаза, и Нике показалось, что старик видит её насквозь.

— Неплохой выбор, — сказал он, обращаясь к Владу, но глядя на Нику. — Она не похожа на тех пустых кукол, которых ты обычно водишь. Есть характер. Но ты, девочка, смотри — Громовы не прощают предательства.

Ника сглотнула и выдавила из себя улыбку.

— У меня нет причин предавать, Константин Георгиевич.

— Надеюсь, — старик кивнул и отошёл.

Кристина подошла следом. Она окинула Нику взглядом, оценивая платье, причёску, даже туфли.

— Поздравляю, — сказала она с приторной сладостью. — Вы так быстро заполучили нашего Влада. Прямо сказочная история. Только вот, как говорится, сказки имеют свойство заканчиваться.

— Мы посмотрим, — ответила Ника, стараясь сохранять невозмутимость.

Она не собиралась поддаваться провокациям, но Кристина явно хотела её задеть.

— Вы даже не представляете, сколько женщин пытались

занять ваше место, — прошептала она, наклоняясь к уху Ники. — И ни одна не продержалась больше трёх месяцев. Чем вы лучше?

— Я не лучше, — спокойно ответила Ника. — Просто я не собираюсь с вами конкурировать. Мне не нужен Влад, мне нужен его кошелек. Это разные вещи.

Кристина опешила от такой откровенности. Она явно ожидала увидеть соперницу, а получила циничного партнёра. Блондинка фыркнула и отошла.

Отец Ники подошёл к ней, когда гости стали разъезжаться.

— Дочка, — сказал он, обнимая её. — Ты такая красивая. Я так счастлив за тебя. Где вы будете жить вместе? Где твой муж?

— У него большой дом, пап, — мягко сказала Ника. — Мы будем жить с ним. Там есть отдельное крыло, я не буду мешать ему. И ты сможешь приезжать в гости когда захочешь.

— Ну хорошо, хорошо, — он кивнул. — Лишь бы ты была счастлива.

Когда все разъехались, Влад подошёл к ней и сказал:

— Сейчас поедem в мой дом. Ты готова?

Ника взяла свой небольшой чемодан, который привезла с собой, и кивнула.

— А где будут мои вещи? — спросила она. — Я ведь не могу жить с одним чемоданом.

— Завтра привезут остальное из твоей квартиры. Я уже распорядился.

Она хотела возразить, что он не имеет права вторгаться в её личное пространство, но поняла, что спорить бесполезно. Он купил её, он может делать что хочет.

По дороге в загородный дом они ехали молча. Влад сидел за рулём чёрного внедорожника, Ника — на пассажирском сиденье. За окнами проплывали пригороды, леса, поля. Через час они въехали в посёлок, где стояли дома, больше похожие на дворцы.

Дом Громовых оказался именно дворцом. Трёхэтажное здание из светлого камня, окружённое высоким забором, с огромными окнами и ухоженным садом. Когда они вошли внутрь, Ника замерла: просторный холл с мраморным полом, лестница с коваными перилами, картины на стенах, которые явно стоили целого состояния. Пахло деревом и цветами.

— Это общественная зона, — объяснил Влад, ведя её через гостиную. — Коридор направо — моя часть, туда тебе лучше не заходить. Налево — твоя. Там есть спальня, ванная, небольшая гостиная и выход в сад. Всё, что тебе нужно, уже есть. Если захочешь купить что-то ещё — скажи Алле, она привезёт.

Ника остановилась у двери в своё крыло и посмотрела на него.

— А где мы будем завтракать? Обедать? Я не могу жить только в своей комнате.

— В общей гостиной, в девять утра. Я завтракаю в семь, но ты можешь приходить позже. Ужин — обычно в восемь, если я не задерживаюсь. Прислуга будет готовить на всех. Если ты хочешь есть отдельно — предупреди повара.

Он говорил так деловито, будто она была новым сотрудником в офисе, а не женой.

— А что насчёт твоего деда? Он будет приезжать?

— Иногда. Когда он будет — я тебе скажу. Ты должна будешь играть свою роль. Он не должен ни о чём догадаться.

Ника кивнула. Всё это было так унижительно, так механично, что она чувствовала себя роботом.

Она вошла в свою спальню. Комната была прекрасна: большая кровать с белым балдахином, французское окно в сад, кресло и туалетный столик. Всё было продумано до мелочей, но от этого веяло холодом. Это не её дом, не её вещи. Она временная жительница.

Вечером она спустилась в гостиную. Влад уже был там — он сидел в кожаном кресле с бокалом виски и читал какой-то отчёт. Увидев её, он отложил бумаги.

— Ну что, как тебе твоё новое убежище?

— Нормально, — сухо ответила Ника. — Слишком много белого.

— Я учту, если ты останешься жить после года, — усмехнулся он. — Но сейчас это не важно. Я хочу обговорить несколько бытовых моментов.

Он встал и подошёл к ней ближе. От него пахло дорогим

парфюмом и виски. Ника невольно отступила на шаг.

— Во-первых, — начал он, — никаких гостей в моей части дома. Вообще. Если у тебя будут подруги — только в твоём крыле. Во-вторых, я не хочу, чтобы ты рылась в моих вещах. Ты найдёшь в доме кабинет, который закрыт. Не пытайся туда войти.

— А если мне что-то понадобится? — спросила Ника с вызовом.

— Позвони Алле. Или мне, — он протянул ей свой личный номер на карточке. — Но звонить без повода не стоит.

Она взяла карточку, даже не взглянув на неё.

— И третье, — его голос стал жестче. — Никаких романов на стороне. Мне не нужны скандалы. Если я узнаю, что ты с кем-то встречаешься, брак расторгается досрочно, неустойка, и ты потеряешь всё.

— Я поняла, — ответила Ника ледяным тоном. — А что насчёт вас? Вы тоже собираетесь блюсти верность?

Влад усмехнулся, но в его глазах мелькнула тень раздражения.

— Я не собираюсь заводить интрижки. Мне это не нужно. А если нужно будет — я сделаю это очень осторожно. Но я не собираюсь тебе врать: если это случится, я тебе не скажу, и ты не должна лезть. Ты моя жена только на бумаге и на публике.

Ника почувствовала, как внутри всё кипит. Её лицо покраснело, она сжала кулаки.

— Значит, я должна быть идеальной женой, а вы можете делать что хотите? Вы просто...

— Я просто хозяин сделки, — перебил он. — Не забывай, кто к кому пришёл с протянутой рукой.

Она замолчала. Она знала, что он прав. Она сама выбрала этот путь.

— Можешь идти в свою комнату, — сказал он более мягко, заметив, что она сдерживает слёзы. — Завтра в десять приедет дед, будет завтрак. Будь готова.

Ника развернулась и почти побежала в своё крыло. Она захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и сползла на пол. Слёзы наконец потекли — горькие, бессильные. Она смотрела на белый балдахин кровати, на кружевные шторы, и думала о том, как несправедлив мир.

Она вышла замуж за человека, который смотрит на неё как на пустое место. Она живёт в роскошной темнице, и через год должна будет выйти на свободу, но что она вынесет из этого года — сломленную душу или стальной стержень?

Ника медленно поднялась, подошла к окну и посмотрела на тёмный сад. Луна светила сквозь деревья, и тени казались призрачными.

— Я справлюсь, — прошептала она в тишине. — Я не позволю тебе сломать меня, Владислав Громов. И когда придёт время, я уйду с поднятой головой.

Она легла в кровать, надела пижаму, которую привезла с собой, и долго лежала с открытыми глазами, глядя в потолок.

Завтрак с дедом пугал её больше, чем сам Влад. Но она знала, что должна быть сильной. Ради отца. Ради будущего.

И в какой-то момент она почувствовала странное облегчение: несмотря на весь этот цирк, она была жива, она была здесь, и у неё был план. Она построит «Небесные сады». Она докажет себе, что её жизнь не зря.

За стеной, в другой части дома, Владислав стоял у окна своего кабинета и смотрел на тёмный сад. Он думал о той, кого привёз в свой дом. Она была дерзкой и непокорной. Он привык к послушным женщинам, которые знают своё место. А эта — она смотрела ему в глаза так, будто не боялась ничего. И это одновременно раздражало и интриговало его.

— Год, — сказал он сам себе. — Через год она уйдёт, и я получу то, что хочу. Она мне не нужна.

Но почему-то он не был уверен в этом. Впервые за долгое время он встретил женщину, которая не пыталась ему понравиться. И это пугало его больше, чем любые сделки.

Он налил ещё виски, выпил залпом и вернулся к отчётам. Надо было работать. Женщины — это только помеха.

В своей комнате Ника наконец провалилась в сон. Ей приснился странный сон: она шла по бесконечному полю, покрытому снегом, и за ней кто-то гнался. Она бежала, но не могла убежать. А когда обернулась, увидела глаза Владислава Громова — холодные, как сталь.

Она проснулась в холодном поту и решила, что больше не будет спать.

Остаток ночи она просидела у окна, глядя на рассвет. И ждала нового дня, который обещал быть ещё более унижительным.

Глава 4. Первое утро врагов

Ника не сомкнула глаз до самого рассвета. Когда первые лучи солнца пробились сквозь кружевные шторы, она поняла, что лежать в кровати больше нет сил. Вставать было страшно — это означало начать новый день в доме человека, который смотрел на неё как на вещь. Но она заставила себя подняться, умыться ледяной водой, надеть джинсы и простую футболку. Она не собиралась наряжаться для него.

Запах свежесваренного кофе доносился из главной гостиной. Ника вышла из своего крыла и направилась на запах. В доме было тихо, только где-то вдалеке слышались шаги прислуги. Она прошла через холл и остановилась у входа в просторную кухню-столовую, которая больше походила на ресторанный зал: гранитные столешницы, огромная плита, ряд медных кастрюль, и в центре — кофемашина, которая стоила, наверное, как её годовая аренда.

Влад сидел за столом в белой рубашке с закатанными рукавами, с ноутбуком перед собой. Перед ним стояла пустая чашка, и он смотрел на неё так, будто ждал, что она сама наполнится.

— Доброе утро, — сказала Ника, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

— Угу, — буркнул он, даже не подняв головы.

Она подошла к кофемашине. Это было чудо техники —

металлический монстр с дисплеем и множеством кнопок. Она никогда не пользовалась такой дорогой техникой, но интуитивно нашла кнопку включения. Устройство загудело, зашипело, и через минуту из носика потекла тёмная, ароматная жидкость.

— Это мой кофе, — вдруг раздался холодный голос за спиной.

Ника обернулась. Влад стоял позади неё, и в его глазах мелькнуло раздражение.

— Что значит «ваш»? — спросила она. — Это общая кухня.

— Кофемашина настроена на мой сорт. Я не люблю, когда кто-то трогает мои вещи. Если хочешь кофе — есть капсульный аппарат в твоём крыле.

Она почувствовала, как внутри закипает злость. Она всю ночь не спала, у неё болела голова, и единственное, чего она хотела — это глоток горячего кофе. А он стоял и читал ей нотации.

— Извините, — сказала она язвительно, — я не знала, что у вас здесь святая святых. Но знаете, если я ваша жена, пусть фиктивная, я имею право на чашку кофе.

Она взяла чашку и демонстративно отпила глоток. Кофе был горьким, но она не подала виду.

Влад сжал челюсть и подошёл к ней почти вплотную.

— Ты не поняла, Вероника. В этом доме я устанавливаю правила. Если я говорю «не трогай», значит, не трогай. По-

нятно?

Она подняла на него глаза. Между ними было всего несколько сантиметров, и она чувствовала его дыхание, смешанное с ароматом дорогого одеколона.

— Понятно, — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Но я не ваша собственность. Даже по контракту я имею право на личное пространство и на то, чтобы пить кофе, когда захочу.

Он пристально посмотрел на неё, и в его взгляде смешались злость и что-то ещё — может быть, удивление, что она не отступила.

— Сядь, — приказал он, указав на стул. — Будем завтракать вместе.

Ника села, хотя ей хотелось швырнуть чашку в стену и уйти. Но она знала, что сейчас важнее сохранить лицо. Она села напротив него. На столе уже стояли тарелки с яичницей, сыром, свежими фруктами. Прислуга бесшумно накрыла завтрак, и у Ники заурчало в животе. Она не ела почти сутки.

Она начала есть, стараясь не смотреть на Влада. Но она не могла не заметить, как его руки слегка дрожали, когда он подносил к губам свою чашку. Дрожь была едва заметной, но Ника, дочь больного отца, привыкла замечать такие вещи. Она вспомнила, что видела подобное у своего отца, когда у того были проблемы с сердцем или когда он переутомлялся.

— Вы больны? — спросила она вдруг, даже не подумав.

Влад резко поднял голову.

— Что?

— Рука дрожит, — кивнула она. — Я заметила. Это от переутомления? Или у вас есть проблемы со здоровьем?

Он убрал руку под стол.

— Это не твоё дело.

— Ага, — усмехнулась Ника. — Значит, вы можете лезть в мою жизнь, контролировать каждый мой шаг, а когда я задаю вопрос о вашем здоровье — это не моё дело? Забавно.

Она поняла, что перешла границу, но ей было всё равно. Пусть он знает, что она не безмолвная кукла.

Влад встал и направился к выходу.

— Я поел, — бросил он на ходу. — Если тебе что-то нужно — скажи прислуге.

Ника осталась одна. Она смотрела в тарелку, и аппетит пропал. Но вдруг она услышала, как в коридоре раздался звон — что-то упало. Она встала и вышла посмотреть.

Влад стоял у стены, опершись рукой о косяк, и его лицо было бледным. На полу валялся его телефон.

— Что с вами? — встревоженно спросила Ника.

— Ничего. Отойди, — приказал он, но голос был слабее обычного.

Она подошла ближе и заметила, что он побледнел до синевы. Его рука снова дрожала, и он прижимал вторую руку к животу.

— У вас язва, да? — догадалась она. — Я видела ваши

таблетки в ванной. Вы не завтракаете нормально, пьёте этот горький кофе на голодный желудок. Это глупо.

— Замолчи, — прошипел он, но было видно, что ему трудно говорить.

Ника сделала то, что делала тысячи раз для своего отца. Она взяла его под руку, помогла дойти до стула, усадила. Затем быстро нашла на кухне овсяные хлопья, сварила кашу на молоке, добавила мёд. Она поставила перед ним тарелку.

— Ешьте, — сказала она. — Это не яд. И не спорьте.

Влад смотрел на неё с таким выражением, будто видел впервые. Он хотел возразить, но приступ боли дал о себе знать, и он послушно взял ложку. Он съел несколько ложек каши, и через несколько минут его лицо немного порозовело.

— Откуда ты знаешь? — спросил он тихо.

— У моего отца тоже проблемы с желудком, — ответила Ника, садясь напротив. — Он не умеет заботиться о себе, так что я научилась. Вы, похоже, такой же. Только на вас ещё и работа, и бесконечный стресс.

Влад промолчал. Он продолжал есть кашу, хотя было видно, что ему неловко. Когда он доел, он отодвинул тарелку и сказал:

— Спасибо. Но не думай, что это что-то меняет. Мы заключили сделку, и я не собираюсь быть тебе должным.

— Я и не жду ничего, — усмехнулась Ника. — Я просто не могу смотреть, как человек мучается. Это моя привычка

— заботиться о других.

Она встала и взяла его пустую тарелку.

— Ложись спать, — сказала она. — На работе ничего не случится за пару часов.

— Я не могу, — сказал он, с трудом поднимаясь. — Сегодня совещание с дедом.

— Вы даже стоять не можете. Ваш дед подождёт, — она взяла его за руку и потянула в сторону лестницы. — Идём, я провожу вас в вашу спальню.

Он хотел сопротивляться, но сил не было. Он позволил ей вести себя наверх, в его крыло, в его спальню. Ника никогда не была здесь раньше. Комната была огромной, с тёмной мебелью, строгой и мужественной. Она помогла ему лечь на кровать и накрыла пледом.

— Поспите, — сказала она. — Если что — я внизу.

Он уже закрыл глаза, но вдруг открыл их и сказал:

— Вероника.

— Что?

— Ты не такая, как я думал.

Она не знала, как ответить, и просто вышла из комнаты, тихо прикрыв дверь.

В коридоре она прислонилась к стене и перевела дыхание. Она только что ухаживала за человеком, который купил её, как вещь. Она была зла на себя за то, что проявила слабость, что поддалась инстинкту заботиться. Но она знала, что не могла поступить иначе. В ней слишком сильно жила привыч-

ка помогать, даже если этот человек этого не заслуживал.

Она спустилась вниз и нашла на кухне блокнот. Она решила написать ему записку с рецептом диеты для язвенников, чтобы он хотя бы начал есть нормально. Она написала: «Овсянка на завтрак, не пей кофе натощак, ешь маленькими порциями. И выспись. Твой организм не железный».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.